

О кавказском вопросе и будущем России

В.В. Дегоев

В настоящей статье автор вновь размышляет над темой о реальных масштабах угроз, которые таит в себе ситуация на Северном Кавказе, с точки зрения перспектив сохранения российского государства в его нынешнем виде. В качестве одного из ключевых ставится вопрос о том, в какой степени этот регион является источником проблем страны, а в какой – лишь их продолжением. Проводится мысль о необходимости сочетания системно-стратегических подходов к оздоровлению региональной обстановки с оперативным, сиюминутным и ситуативным реагированием на конкретные случаи обострения межэтнических отношений.

Есть ощущение, что читающей публике в России изрядно надоели аналитические статьи о Северном Кавказе, где повторяется в принципе одно и то же, независимо от того, правда это или ложь. Разобраться в сопутствующей тональности не так уж сложно: в заупокойной стилистике столько же идеологически заказного, сколько и в бравурной. Кто-то заинтересован в подогреве панических настроений, кто-то в создании картины под названием «все под контролем». Найти «золотую» или хотя бы достоверную середину между двумя крайностями непросто, ибо и в самом деле трудно предвидеть, куда все повернется на этом непредсказуемом пространстве. И именно поэтому оставить его вне сферы пристального внимания экспертного сообщества – значит заведомо ограничить себя в поисках ответа на вопрос «что делать?».

За долгим и упоительным обсуждением темы о «несостоятельности» некоторых постсоветских государств мы не заметили, как она стала актуальной для Северного Кавказа, где цена этой несостоятельности для России неизмеримо выше.

Известно практически все о прямых и опосредованных причинах, породивших нынешнюю ситуацию в регионе. Некоторые акценты, предпочитаемые экспертами при объяснении происходящего, носят спекулятивный идеологический характер и неизменны на протяжении нескольких

лет, хотя в реальной жизни многое скоротечно меняется.

Проблема не в том, чтобы каталогизировать причины кризиса и выстроить их в логический ряд. Гораздо важнее найти эффективные ответы хотя бы на те вызовы, природа которых в общем-то известна. Вместе с тем возможность точно идентифицировать эти вызовы отнюдь не делает их простыми и однозначными в своей сути. Дестабилизирующие факторы в специфических условиях Северного Кавказа переплетены порой настолько причудливо, неразрывно и хаотично, что бывает трудно выявить первичное и производное, закономерное и случайное. Мы не ставим перед собой задачу раскрыть происхождение и характер угроз безопасности России, исходящих с территории Северного Кавказа: в экспертной литературе это сделано профессионально и почти исчерпывающе. Позволим себе лишь подвести некий суммарный итог тому, что очевидно.

Пора раскрыть большую тайну. С 1991 г. идет процесс утраты Россией своего суверенитета на Северном Кавказе. Повседневные социально-бытийные реалии отучают местное население подчиняться федеральным законам, которые воспринимаются не в качестве державообразующего института, а как источник наживы для одних, убытка для других, озлобления для третьих. Из

единого государственно-правового поля регион выходит, так сказать, явочным порядком. Закон, со всеми его базовыми функциями, ассоциируется в общественном сознании не с именем России, а с именами (или с красноречивыми кличками) республиканских чиновников, которые монополизировали и поделили все, на чем можно нажиться, в первую очередь – самые злые угодья.

На охрану их личных интересов мобилизованы ведомства, раньше охранявшие интересы народа – его благосостояние и безопасность. Именно здесь таится главная угроза – полная утрата нравственного здоровья и, как следствие, *управляемости общества*, чреватая социально-политическим коллапсом не только на Северном Кавказе. Коррумпированной и ненавистной людям местной власти не дано быть сильной по определению. Прекрасно это понимая, она старается застраховаться поддержкой Москвы, идя на любые ухищрения. Ей важно убедить Кремль в своей незаменимости в данных обстоятельствах. Именно поэтому «данные обстоятельства» создаются искусственно. Этнократической элите атмосфера чрезвычайщины нужна как воздух, чтобы оправдать свое существование, заставить Кремль не только смотреть сквозь пальцы на творящийся на местах административно-судебный произвол, но еще и платить ей дань за внешнюю лояльность к центру. Излюбленный девиз – «нельзя раскачивать лодку!» – феодальные князьки адресуют Москве. А та и рада его повторять, делая вид, будто не видит, что за ним кроется элементарный шантаж¹.

Даже не слишком больших поклонников конспирологических теорий удивляют весьма странные методы «борьбы» северокавказских властей с бандитами и террористами. Многие из преступников никого не боятся, никуда не скрываются и наглей с каждым днем, зная, что по целому ряду весьма веских причин их никто не тронет, поскольку кое-кому это просто невыгодно. Конечно, демонстративные жертвы на алтарь Фемиды приносить приходится, но делается это редко и очень избирательно. Происходят и другие диковинные вещи. Стоит Москве потребовать повышения показателей в борьбе с терроризмом, как тут же появляются соответствующие цифры, предъявляются пойманные боевики, предотвращенные преступления, огромные схроны оружия и т.д. Есть и другие «народные приметы». Если вдруг в среде местных силовиков пошел слух о предстоящем сокращении штатов или финансирования, жди «резкого обострения» криминальной обстановки.

Воображение невольно рисует почти сюрреалистическую картину: преступная паства вольготно пасется на сочных лугах под присмотром правоохранительных пастырей, пока не приходит пора выдернуть из стада «агнцев на заклание» по разнарядке сверху. Пустить всех этих «кормильцев» в расход разом – значит лишиться работы, зарплаты, наград, карьеры. В криминальном питомнике непременно нужно оставить кого-то на

развод для обеспечения хотя бы простого воспроизводства.

Социально-политическая эквилибристика местного руководства ведет не к укреплению, а к ослаблению контроля над общей ситуацией. Глубоко порочна стратегия предержавия власти, сводящаяся только к задаче самосохранения. Но другой она и быть не может при тех уязвимых тылах, которые нечем прикрыть в условиях разгула коррупции и безнравственности. Питательной средой для опасных тенденций становится диспропорциональная система распределения федеральных средств по республикам Северного Кавказа. Перепады цифр в этой системе достигают весьма впечатляющих порядков.

Поскольку щедрость «центра», как правило, зависит от степени проблемности субъекта, то у местных элит появляется прямая заинтересованность в создании или, по крайней мере, в имитации проблем, от которых, как подразумевается, Кремль обязан откупаться. Искусственно провоцируемая головная боль для Москвы давно уже превратилась в твердую валюту и ходовой товар. На этом вымогательском поприще идет состязание, где есть бесспорные лидеры и очевидные аутсайдеры, стремящиеся к получению большей доли из бюджетного пирога².

Строительство в Чечне «Объединенных Арабских Эмиратов» на деньги, которые из федеральной казны «дает Аллах», вызывает у северокавказских соседей зависть и раздражение, а в российском общественном сознании – негодование. Оно непроизвольно охватывает даже тех, кто вроде бы осознает, что кремлевская власть должна в какой-то материализованной форме покаяться за разбомбленный в 1990-х гг. Грозный, но вместе с тем не может взять в толк, почему это нужно делать за счет людей, не несущих ни малейшей ответственности за чеченскую войну.

Принято говорить о *системности* северокавказского кризиса. Это, в трактовке Москвы, означает, что порождающие его факторы располагаются как бы в горизонтальной плоскости и тем самым играют более или менее равные деструктивные роли. Подобное толкование принципа *системности* обладает в глазах федеральных и региональных властных структур бесспорным удобством – оно им выгодно как средство оправдания того, что происходит или не происходит на Северном Кавказе. Равномерное «распределение ответственности» за трагические события в регионе между объективными (или стихийными) причинами выводит из-под прямого удара критики тех, на ком лежит главная ответственность. Нет, это – не террористы, которые делают то, что им положено делать по их гнусной профессии и по их патологической сути. Это – власть, как система, которая не делает порой даже элементарного из того, к чему она призвана испокон веков.

Конкуренция, или, точнее, война за доступ к рычагам управления той или иной северокавказской республикой, идет между теми, кто уже несказанно озолотился, но хочет большего. По-

разительно, что о гарантиях сохранения «нажитого» никто и не думает: это как бы само собой разумеется в нынешнюю эпоху. У крупного собственника нет страха потерять. Во всяком случае, со стороны государства и закона ему ничего не грозит. Он сам себе государство и закон. Его вседозволенность ограничена лишь пулей киллера. Но это уже прочие равные, побочные издержки жизни в современной России.

В местных предвыборных кампаниях, зачастую принимающих не только абсурдный, но и кровавый оттенок, состязаются вовсе не концептуальные программы, а люди, имеющие большие деньги, но нередко испытывающие недостаток во всем остальном. «Демократия» для них, при отсутствии гражданского общества, как манна небесная. Они громче всего протестуют против практики назначения, как проклятого пережитка партийно-советского авторитаризма.

С такой системой ничего не случится до тех пор, пока в ней будут заинтересованы и федеральный центр, и живущий по тем же корпоративным нормам правящий класс северокавказской периферии.

Многочисленные факторы, подпитывающие и усугубляющие кризисную ситуацию на Северном Кавказе, имеют еще и вертикальную структуру, то есть иерархический порядок. Что в нем находится выше и что ниже – вопрос сложный и, по большому счету, второстепенный. Главное в другом: на вершине «пирамиды Пандоры» есть место только для одного фактора, вернее, сверхфактора, связанного с тотальным, прогрессирующим и коллапсogenным разладом системы местной власти. Властные инструменты в регионе утрачивают свои функции, предписанные им самой природой вещей. Все остальное, чем бы оно ни было, включая терроризм, в конечном итоге – следствие этого процесса, неимоверно опасного и, возможно, даже летального для российской государственности в целом.

Мы намеренно оперируем упрощенными образами. Лишь потому, что ведь и речь-то в принципе идет о предельно простой и именно поэтому драматичной дилемме – жизни или гибели Российской Федерации. Отторжение Северного Кавказа (де-факто и тем более де-юре) с сопутствующей перекройкой границ будет означать одно – прекращение существования в его нынешнем виде государства под названием Россия. Это не кликушеская гипотеза. Это жесточайшая реальность обозримого будущего, которое наступит с неотвратимостью циклического природного явления, если позволить сегодняшним тенденциям развиваться в русле их естественной логики. Возможно, какой-то запас времени у нас еще есть, но какой именно – на практике лучше не выяснять: дорого может стоить.

Существуют мощные внерегиональные и внероссийские силы, глубоко заинтересованные либо в консервации, либо в дальнейшем обострении нынешнего положения на Северном Кавказе. Регион давно и основательно задействован в «большой игре» на «великой шахматной доске»

современной мировой политики. Но как бы кого ни подмывало употребить в этой связи слово «заговор», оно совершенно неуместно. Тут вообще нет смысла гадать или подозревать, поскольку все абсолютно ясно и открыто. Идет нормальная, жестокая, по-своему честная борьба за геополитический, экономический, культурно-цивилизационный и конфессиональный передел мира в соответствии с изменившимся после периода холодной войны соотношением потенциалов крупных держав. И можно быть уверенным, что если мы захотим проиграть в этом сражении, то мешать нам никто не будет.

А известный американский сенатор обещал даже помочь. После прокатившихся по Ближнему Востоку и Северной Африке управляемых революций (конец нулевых – начало десятых годов) он публично заявил, что на очереди Россия. Маккейн сделал это по своей простецкой и злопамятной натуре. Другие представители политических элит Запада – имя им легион – думают так же, но не столь откровенны, поскольку устроены тоньше и лишены, в отличие от ветерана вьетнамской войны, личного опыта общения с «русской» ракетой, едва не отправившей молодого летчика Маккейна к праотцам.

Ответ на неизбежное «что делать?» знают все. И «наверху» и «внизу». Но по разным причинам молчат или недоговаривают. Впрочем, на Северном Кавказе глас народа звучит абсолютно внятно. Негодующие массы людей на улицах и площадях Беслана, Владикавказа, Нальчика, Махачкалы, Майкопа и других городов отчаянно вопрошают об одном: «Доколе?! Что еще должно произойти, чтобы власть стала Властью и выполняла свои прямые обязанности и обязательства перед обществом?!». Вопросы эти адресуются не горским «президентам», которым никто и никогда не верил³, а Президенту, которому пока еще верят.

Надо сказать, что ресурс этого доверия иссякает. Потому что всё и все остаются на прежних местах, продолжая обогащать себя и обирать других. Региональные элиты умело эксплуатируют в общем-то справедливую идею о том, что «рыба гниет с головы». На вопросы они отвечают вопросом: «Чего вы хотите от нас, когда в Москве творится Бог знает что?» Эта тактика «перевода стрелок» работает. Она приучает общественное мнение видеть в порочной политике местного руководства молчаливое кремлевское благословение.

Вроде бы и Кремлю есть чем оправдаться. Он может обратиться к классике советской политической афористики: «Других писателей у меня нет». Это, однако, нисколько не спасает положение. Если нет «других», в чем позволительно усомниться, то тогда нужно заставить имеющихся «писателей» работать иначе. Необходимо найти и задействовать жизненно важные стимулы, способные в корне изменить философию и поведение правящего класса. И, если угодно, употребить все разнообразие методов внеэкономического и экономического принуждения.

Вместо этого околоремесленные пиар-режиссеры потчуют народ спектаклями, пронизанными чувством глубочайшего презрения к умственным способностям простых людей. Во всяком случае – к способности человека с улицы понять, что из него делают идиота. Причем в этом нуворишско-снобистском высокомерии к многомиллионному сословию «бездарей», «неудачников» и «увальней» со слабо развитыми хватательными рефлексам, не сговариваясь, объединились и правящий класс, и «креативный». В комедии, которую они ломают, якобы враждуя друг с другом, главная интрига шита белыми нитками.

Смысл ее в том, что внутреннего, сущностного антагонизма между ними нет и быть не может. Это – борьба внутри большой корпорации. Борьба за власть, деньги, влияние. Борьба подчас жестокая, в ней ворон ворону, пожалуй, еще не один глаз выклюет. Но это – не противостояние правды и лжи, добра и зла, патриотизма и коллаборационизма. Это – абсолютно естественные издержки сложнейшего процесса формирования «норкового класса», внутрироссийского аналога «золотого миллиарда». В нем не будет «ни эллина, ни иудея», будет лишь восторжествовавшая справедливость законов естественного отбора в виде пропасти между разбитым, вовремя подсуетившимся («креативным») меньшинством богачей и биомассой бедствующих бюджетников, вполне заслуживших свою участь.

Милосердие? Сострадание к ближнему? Совесть? Благочестие? Идеалы соборности? О чем вы, господа? Все это не место «на корабле современности». Впрочем, слова эти в риторическом обиходе первых (и даже вторых и третьих) лиц страны, скорее всего, останутся. Произносить их будут торжественно и вдохновенно, чтобы звенящая в них пустота хотя бы звучала проникновенно. Вот только кого сегодня, в век тотальных суррогатов и имитаций, этим проймешь?

На разного рода зрелищные выдумки власть неистощима. Одна из ее не совсем любимых, но необходимых забав, называется «наведением порядка в стране». Сценой для этих театральных постановок случается бывать и Северному Кавказу. Одна незадача: не успевает подняться занавес, а ты уже, как Станиславский, «не веришь». И правильно делаешь.

Взять, к примеру, широко разрекламированные в СМИ «решительные приступы» к искоренению коррупции в высших властных эшелонах региона. Ну, думаешь, наконец-то получают по заслугам, по крайней мере, те, кто обнаглел до невероятия. И что же? Да ничего. С грехом пополам доводят дело до следствия, а дальше, как говорится, «злоупотреблений не выявлено».

Так и вертится на языке: «Гора родила мышь». Но тут уж как посмотреть. «Серьезным ребятам», затеявшим под видом антикоррупционной кампании борьбу за передел собственности, «мышь» не нужны. Им нужна «гора», точнее, «горы» всего, и они, не сомневайтесь, свое возьмут не мытьем, так катаньем.

Тогда спрашивается: на кого рассчитан этот низкопробный балаганный иллюзионизм? В общем-то, если по-марксистски, на трудящиеся массы, то есть на тех, кого верхи не ставят ни во что, на тех, кто сохранил еще крохи надежды на «новый курс» и желания обманываться. Вопрос даже не в том, сколько таких оптимистов осталось в России, а в динамике их убывания.

У властей предрежащих, как правило, нет иной цели и иной сверхзадачи, кроме самосохранения и самовоспроизводства. Это ни хорошо и ни плохо. Это – данность, связанная с природой политики вообще. А если так, то ее нужно не искоренять (что бесполезно), а использовать. Забота о безопасности и благополучии людей должна стать для политиков выгодным, престижным и совершенно обязательным занятием.

Написано невообразимое количество статей, аналитических сводок и книг о терроризме, религиозном фундаментализме, этнократизме, клановых мафиях, круговой корпоративной поруке, сращивании государственных и криминальных структур. Прежде всего, именно в этом контексте идет исследование факторов, которые придают региональным процессам стабильно негативную динамику. Многочисленные официальные структуры с большим энтузиазмом поддерживают данное направление аналитической работы, вольно или невольно уводя огромные интеллектуальные силы с более важного, если не сказать магистрального, пути. Этот путь требует от исследователей другой методологии анализа северокавказских реалий, других выводов и других рекомендаций для практической политики.

Расхожие ссылки на «трудное время перемен», в котором нам выпало жить, пришлось по вкусу тем, кто устроился в этом времени сытно, комфортно и не хочет делать ровным счетом ничего для того, чтобы оно закончилось. Скорее наоборот: тихо моля Мамону о продлении «прекрасного мгновения», они отнюдь не тихо саботируют любые попытки изменить нашу общую (а не внутрикорпоративную) жизнь к лучшему. Для успокоения не слишком счастливых россиян их убеждают в том, что иначе и быть не может «на крутом переломе истории». Железная закономерность, видите ли. И с ней ничего не поделаешь...

Да нет в ней ничего «железного», когда есть здравый смысл, воля и совесть у людей во власти! В России всегда знали цену этим понятиям. Русские люди – не единственный на свете народ с развитым чувством справедливости. Однако исторически оно у них отличалось особой остротой, обусловленной традициями общинного мира с его сакральным отношением к слову «правда». В России попрание этой святыни «верхами» «низы» могут терпеть долго, но, к несчастью, так же долго длятся трагические последствия лопнувшего терпения.

Так называемые глубинные (сиречь неотвратимые) исторические процессы, якобы происходящие на Северном Кавказе, носят, повторимся, вторичный, производный характер. Первично

другое: системно-функциональная и моральная деградация государственного управления. Или, если пользоваться физическими терминами, «вакуумизация» власти.

Сетовать на то, что разряженное пространство, то есть «свято место», заполняется ваххабитами, террористами, националистами и другими деструктивными силами, равнозначно жалобе человека на угон автомобиля, оставленного им на целый день на улице без присмотра с распахнутой дверью, с работающим двигателем и кучей денег в салоне.

Ответ на вечный русский вопрос «что делать?» есть. Уберите мотивы, соблазняющие или вынуждающие человека становиться террористом, фундаменталистом, национал-радикалом, сепаратистом, лихоязвцом, уголовником. Предложите ему альтернативный, более привлекательный жизненный сценарий. Поставьте каждого преступника – независимо от его социального и материального статуса – перед лицом скорого и неотвратимого наказания.

Как это сделать – проблема оперативно-техническая, при всей ее сложности в условиях нынешнего социально-политического и нравственного разлада российского социума, лишенного идеи, веры, достатка. В этом обществе пока еще сохраняется согласие в одном: у России должно быть будущее, и ее хвори, хотя и тяжкие, не есть смертный приговор. Когда совершенно истощится и эта надежда, то геополитические грезы Бжезинского станут реальностью.

Независимо от того, существует историческая предопределенность или нет, и уж тем более независимо от изготовленных для нас прогнозов необходимо действовать. Немедля, но без паники. С какого бы конца ни брать за дело, нужен мощный инструмент. Он уже давно изобретен и называется институтом Государственной Власти. В России вообще и на Северном Кавказе в частности его надо привести в рабочий порядок. Только тогда появятся рычаги прямого управления процессами, принимающими хаотический характер, и прямого воздействия на причины и следствия, которые часто и заведомо путаются.

В истории России – так уж повелось – все созидательные и разрушительные планы зарождаются «наверху». Сейчас институт Власти, в том состоянии полураспада, в котором он находится в северокавказских республиках, является главным источником и катализатором социально-катастрофических тенденций. Нельзя жалеть ни сил, ни средств для капитального ремонта, переналадки и, если понадобится, полного обновления этого механизма. Политика стоит очень дорого, экономия на ней – куда дороже.

Власть и общество в России больны. Эта болезнь на Северном Кавказе, ввиду его исторической и современной специфики, приняла гипертрофированные формы и осложненное течение. Прежде чем власть не исцелится сама, она не имеет права, да и попросту не сможет, лечить «паству».

В отличие от вечно мятущейся и рефлексивной российской интеллигенции, чиновничий класс в России хорошо знает, чего он хочет и как достичь желаемого. Поскольку эти эзотерические «знания» сегодня направлены против интересов общенародного благополучия, проблема проблем заключается в построении системы, способной кардинально поменять вектор приложения усилий и талантов политико-административного сословия.

Правящая элита добровольно никогда не пойдет на ущемление своих интересов. Также маловероятно, что ее побудят к этому поучительные и предостерегающие картины международных потрясений. Рукотворные «цветные» революции и стихийные всенародные бунты – это далеко от нас и не про нас. Так, между прочим, думали те ближневосточные и африканские лидеры, из которых иных уж нет. «Мы – не Африка и не Ближний Восток», – скажет кто-то. Возможно, хотя лучше себя этим не тешить, чтобы невзначай не стать ими. Как-никак, глобализация на дворе.

Правящие и имущие будут и впредь игнорировать объективную реальность в упор, пока не отвалится сук, на котором восседал дружный коллектив пильщиков, вместе со всеми нами. Однако есть все же шанс, что политической элите достанет спасительного благоразумия подчиниться воле, доводам и личному примеру харизматического лидера (или лидеров), ведомого более высокой страстью, чем стремлением пробыть и продлить свой срок во власти.

Власть, как историческая система выживания, регенерации и развития социума, всегда функционирует с издержками, представляющими для общества неизбежное зло. В высоко цивилизованных государствах сфера, где граждане могут ощутить это зло на себе, сужена до оптимального предела.

Нигде в мире нет избытка любви к правителям. Их и не нужно любить – они не для того существуют. Населению Северного Кавказа тоже не нравятся власть, но еще больше не нравится ее отсутствие, которое, как никогда остро, актуализирует вопрос о соотношении свободы и безопасности. Массовое сознание не просто лояльно к идее укрепления властной вертикали – оно требует перейти наконец от слов к делу. Рядовые труженики готовы к стратегическому союзу с Кремлем в деле обуздания безбрежного разгула «своих» политических элит. «Низы» ждут ясных сигналов о решимости Москвы взять новый курс. Вместо этого только и слышно: «Хватит кормить Кавказ!»

Пойдите и объясните суть этого лозунга какому-нибудь школьному учителю из Майкопа, Нальчика, Владикавказа, Махачкалы, который всю жизнь отдал любимому делу, чтобы закончить ее в нищете и забвении. Или ветеранам Великой Отечественной войны и их близким, которые знают от своих старших о цене нашей общей, одной на всех, Победы. Как должен понимать это послание из «столицы нашей Родины» дожива-

ющий свой трудный век работяга, оставивший свое здоровье на вредном производстве, – как все еще актуальный девиз «жила бы страна родная»? В чьи объятия толкнет этот новомодный лозунг и без того потерявшую ориентиры молодежь?

Кормить и в самом деле хватит... тех, кто давно уже кормится за чужой счет, и отнюдь не только на Северном Кавказе. Весь этот разношерстный постперестроечный Интернационал приватизаторов в законе – на виду, на слуху, в зубах. Не он ли, случаем, разогревает националистическую тему через популярных блоггеров-правдорубцев, возможно (хотя вряд ли), даже не осознающих до конца, под чью дуду они пляшут. Если кто-то говорит: «хватит кормить чужой Кавказ», то он вольно или невольно предлагает кормить «своих» мироедов, аппетиты у которых вестимо какие. А потом, что такое «свои»? Русские по национальности? Если так, много ли их среди форбсовских «героев нашего времени» на душу, так сказать, титульного населения? Стоит ли в имперской по сути стране превращать в межнациональный вопрос о том, кто кого кормит и кому кого кормить? Не лучше ли понять наконец, что люди, ратующие за размежевание по этническому (и конфессиональному) признаку, хотят тем самым обезопасить себя от последствий размежевания по социально-имущественному, если угодно, классовому принципу? Кто бы им объяснил, что костер бензином не потушишь?

К сожалению, сеять вражду проще, чем работать на мир и согласие. Тем проще, чем чаще некоторые представители кавказской молодежи, бросая вызов всем и вся, демонстрируют на улицах Москвы, Петербурга, других крупных российских городов образчики отвратительного или просто преступного поведения. Потомственному москвичу или петербуржцу, отнюдь не только русскому по крови, не может нравиться, когда историческую территорию его культурного обитания со сложившимися городскими правилами и обычаями приезжают завоевывать плохо (или иначе) воспитанные люди, привозя с собой не только иные нравы, но и то, что считается постыдным и на Кавказе. Многим из них, правда, трудно понять, почему всем можно, а им нельзя принять участие в столичных вакханалиях, которые круглосуточно рекламируются по телевидению как новый ценностный, поведенческий стандарт, символизирующий «продвинутость», «раскрепощенность», «креативность» и Бог знает что еще.

Общая бездуховная, дегуманизированная, растлевающая атмосфера пиршества одних и прозябания других неотразимо притягивает к себе кавказских «растиньяков-конкистадоров» всех мастей, которым мало «сгодиться там, где родился», и которые задаются по-своему справедливым вопросом – чем они хуже тех некавказцев, кто так жадно откликается на призыв: «бери от жизни по максимуму, стремящемуся к бесконечности, а отдавай по минимуму, приближающемуся к нулю».

Начистоту – так начистоту. Во многом именно «русская» столичная молодежь, не блещущая добродетелями, утверждает те самые «структуры повседневности», которые, по причине их невзыскательности, охотно принимаются прибывающими в Москву горскими неофитами глобализации. Но это вызывает рефлекторное возмущение «коренных москвичей». Почему? Потому, что «нам» можно, а «им» нельзя, вот и все.

Да нет, не все. Российскому обществу и российскому руководству еще долго придется искать ответы на эти и другие вопросы. Искать честно, вне зависимости от степени их лицеприятности. И найти. Для начала – чтобы хорошо понимать, что происходит. А потом уже решать, что делать – жить с этим или изживать?

Наши верховные правители воздерживаются от революционных методов духовного оздоровления общества, хотя о важности его говорят постоянно. В их искренности нет сомнений. Равно как и в их прекрасной осведомленности о том, что нынешний политический класс заниматься этим добровольно не будет никогда, ибо ему придется сперва произвести эту «нравственную революцию» внутри себя, чтобы получить моральное право учить других. К этому можно только принудить. И тут потребна не просто воля, а настоящее мужество.

Ожесточенное сопротивление тех, чьи интересы пострадают в результате смены вех, почти гарантировано в самых изощренных формах – от мелкого саботажа до организованного протеста с привлечением всего арсенала политтехнологических средств, включая крупные провокации и даже террор. На этот случай в распоряжении у Кремля, по крайней мере теоретически, имеется проверенный прием – прямая апелляция к народу. Негодование «низов» против преступного чиновничества, с одной стороны, и политическая воля Кремля, с другой, станут для разложившегося правящего сословия молотом и наковальней.

Да, это рискованный ход, требующий точного расчета: история уже неоднократно показывала, что такое «разбуженные массы» и как они могут обойтись со своим «будильником». Но ведь на то и дан человеку лидерский дар, чтобы управлять обстоятельствами и видеть на несколько шагов вперед. Во всяком случае, если вконец распустившаяся государева челядь будет в принципе знать о готовности «царя-батюшки» пойти на крайности, появятся шансы заставить ее хотя бы имитировать благопристойность. Были же мы свидетелями «добрых дел из-под палки», рапортами о которых местное начальство привыкло встречать приезд президента. Коли нет других способов воздействия, то, значит, надо, пока они не найдутся, колесить по российским городам и весям, чтобы управлять ими вручную.

Детские рассуждения? Возможно. Хотя как посмотреть. Нынешняя элита – неоднородна: в ней люди разные по взглядам, интеллектуальному и образовательному уровню, степени порядочности, возрасту. Со многими из них действительно

ничего не построишь и даже не разрушишь. Они уже давно достигли предела собственной некомпетентности и опустились гораздо ниже самых скромных требований к человеческой совестливости. От них хорошо бы поскорее избавиться, препроводив либо на «заслуженный» отдых, либо на заслуженное сидение в местах не столь отдаленных, либо на такую работу, где особого вреда не причинишь.

Как бы ни было трудно сейчас в это поверить, но есть и другая часть элиты, творческая, думающая, не до конца потерянная для интересов общества. Она открыта новым идеям, в ней пока нет безнадежной тусклости взора на судьбы Отечества. Такие добродетели найдутся не только у молодых, но у молодых их нужно воспитывать в первую очередь и, разумеется, предоставлять любую возможность проявить все это. Социально-карьерные лифты необходимо отрегулировать так, чтобы они доставляли самых достойных на самый верх. Иными словами, выращивать меритократию, ничего для нее не жалея. Легче всего сказать: «наивно и несбыточно». Но, может, все же попробовать для начала? И убедиться, что наивным и несбыточным бывает лишь то, к чему мы еще не прикасались.

Разумеется, молодежь тоже разная. Она вполне способна перенимать от «старших товарищей» из властных сфер их профессиональные, генетические пороки и даже превосходить своих учителей в банальных человеческих слабостях. Но речь ведь не о политических гомункулах с набором идеальных качеств, а о выборе наименьшего из тех зол, что неизбежны и непреодолимы от века.

В борьбе со стоглавой Гидрой коррупции добиться полной победы невозможно, поскольку это не игра с нулевой суммой. Но нанести чувствительный удар вполне реально, хотя и совсем непросто. Если Кремль решится взять в союзники трудящиеся массы Северного Кавказа, то шансы на победу повысятся. Кроме того, кто мешает верховной власти употребить против разгулявшегося служилого сословия те же высокие политтехнологии? Да и особых ухищрений во многих случаях не понадобится. Быть может, самый сильный козырь в кремлевской колоде – наличие одного важного житейского обстоятельства: обогатившемуся административному классу есть что терять. Это, не исключено, подвигнет его мозги и инстинкты к элементарному умозаключению – если возникает выбор между самоубийственным риском нелегального умножения своего богатства и гарантированным сбережением того немалого, что уже имеешь, то лучше предпочесть последнее. Перед лицом именно такой дилеммы нужно поставить тех, кто этого заслуживает.

И вот тогда уж и от Кремля потребуются отступные в виде пресловутой экономической амнистии. Однако не следует предоставлять ее всем без разбора и автоматически. В таких кампаниях непременно нужны жертвы, выбрать которые необходимо с умом, из числа самых одиозных фигур, бросающих демонстративно оскорбительный

вызов, который нестерпим даже для общества с девальвированными понятиями о чести, совести, справедливости.

История знает немало precedентов непосредственного обращения правителя к народу. В современном, «цивилизованном» кодексе политического поведения это считается запрещенным приемом и дурным тоном. Беда только в том, что благообразие и политкорректность поведенческих норм, принятых в среде первых лиц государства, заметно контрастирует, особенно на Северном Кавказе, с кровавой антиэстетикой реальности, которая требует к себе адекватного отношения и более функционального подхода.

Вместе с тем «антибоярский» союз «царя с народом», если он будет осуществляться лишь по историческим лекалам, без поправок на реалии XXI в., таит в себе угрозу и для «верхов», и для «низов». Иначе говоря, для России в целом, перед которой традиционно стоят две опасности – полного хаоса и полного порядка. Если есть золотая середина, то ее придется искать между классической западной демократией и классическим российским авторитаризмом.

Идеальной была бы такая ситуация, при которой порядок в стране наведет сильная демократическая власть. Иначе этим займется, с благословения «трудящихся масс», власть авторитарная, что, возможно, соблазнит ее на политику максимальной концентрации властных полномочий, обычно именуемой тоталитаризмом.

Применительно к огромной России еще можно рассматривать вариант золотой середины. К сожалению, на Северном Кавказе его не существует. Там после крушения СССР и исчезновения вместе с ним советско-державной надидентичности основой массового самосознания стали этническая, клановая, профессионально-корпоративная и другие, в том числе глубоко маргинализированные, сферы самоотождествления. Парадокс глобализации в этом регионе состоит в том, что северокавказские народы тянутся к реставрации традиционных, патриархальных отношений, характерных для XVII–XVIII вв.⁴ Это и клановая иерархия, предполагающая ожесточенные межклановые схватки за высокие места на этой лестнице; это и вассально-сюзеренная, данническая система соподчинения с соответствующим распределением общественного богатства, статусно-престижных ролей и т.д.; это и внутриклановая круговая порука; это и особые представления о преступлении и наказании, реализуемые через стихийно возродившийся механизм обычного права.

Все это, как и многое другое, экзотически сочетается с новейшими атрибутами цивилизации, включая область экономической и финансовой деятельности.

Ожидать, что при таких обстоятельствах в северокавказских республиках произойдет самоорганизация гражданского общества снизу, ровно в том виде, как это происходило на Западе в течение веков, – утопия, принудительное вопло-

шение которой приведет к бесплодной растрате огромных ресурсов с непредсказуемыми последствиями. Если кремлевское руководство возьмет курс на выращивание, так сказать, эволюционной демократии, то Северный Кавказ будет потерян и для России, и для демократии.

Постсоветский опыт показал, что в малых, традиционалистских социумах партийно-демократическое строительство обретает форму благовидного, «цивилизованного» прикрытия для межклановых и межфамильных войн или для сведения счетов между криминальными группировками. Демократия в ее северокавказской разновидности становится прежде всего легальным и прямым путем во власть для значительного числа людей, заряженных негативной, разрушительной пассионарностью. Страшно то, что общество перестает отделять ненавистный образ этого хищнического слоя от образа государства Российского.

Выдающийся русский либеральный историк В.О. Ключевский заявлял о своем неприятии «партийного принципа» организации общественной жизни России, поскольку это ведет к расколу. Стоит ли говорить о воздействии такого рода принципа на крошечные (по сравнению с русским народом) социально-этнические и культурные системы?

В истории утверждения России на Северном Кавказе то и дело вставала проблема выбора между большой и малой кровью. Нередко удавалось обходиться минимальными, политическими средствами, хотя далеко не всегда. Кавказская война с политико-идеологической точки зрения олицетворяла борьбу двух цивилизационных проектов: российско-имперского и исламско-фундаменталистского (мюридистского). Первый проект одержал безоговорочную победу благодаря не только силовому превосходству. Он оказался в глазах народных масс более привлекательным по целому ряду причин (о чем написаны книги). Главная из них – уверенность в том, что мощь Российской империи способна гарантировать подданным внешнюю и внутреннюю безопасность – первое условие выживания, благополучия и развития.

Сегодня «борьба проектов» возрождается, и вовсе не потому, что державная идея утратила свою популярность, а потому, что почти не видно тех, кто готов и способен ее осуществлять. Зато на виду люди, жаждущие этим воспользоваться. Радикальные исламисты тонко чувствуют настроения масс в бедных, полиэтнических, коррумпированных и этнократизированных обществах, лишенных порядка, справедливости, единства. Преимущество ваххабитов в том, что у них есть своя, совершенно четкая программа воплощения в жизнь этих идеалов. Она проста до предела: формирование духовной наднациональной идентичности, основанной на высоких заповедях «чистого» ислама и противопоставленной сонму человеческих и социальных пороков, национализму, расколу, беспорядку, преступности, с одной стороны, и российскому светскому и иноверческому

присутствию, как олицетворению всего этого, с другой. В условиях отсутствия у Кремля хотя бы сопоставимого по силе морального воздействия контрпроекта ваххабитские идеи стремительно овладевают умами, особенно среди молодежи, всегда предрасположенной к максимализму.

Союзниками фундаменталистов вольно или невольно становятся отдельные представители российского либерализма и великорусского шовинизма, выступающие с призывом: «Сбросим этот балласт (Северный Кавказ) и заживем счастливо!» Одни ссылаются на «священный» принцип самоопределения и неготовность патриархальных обществ к переходу в постиндустриальную стадию, другие – на религиозно-культурную несовместимость «нерусского» региона с Россией.

Нет ничего порочнее и опаснее такого подхода. И чем настойчивее нас подвигает к этому Запад, тем больше оснований усомниться в его благонамеренности. Однажды (в 1991 г.) мы уже сбросили «балласт», но перспектив «зажить счастливо» как не было, так и нет. А о геополитических последствиях и говорить нечего.

Английский философ У. Оккам предостерегал от «умножения сущностей без необходимости». Сейчас этот призыв крайне актуален для Северного Кавказа, где «сущности умножились» до такого количественного и качественного уровня сложности, который граничит с хаосом. Чтобы он не наступил окончательно, ситуацию нужно упростить и сделать это непременно «сверху», иначе она так запутается «снизу», что управлять ею будет совершенно невозможно.

Сегодня северокавказское пространство усеяно гордиевыми узлами. Многие из них нельзя развязать. Их придется разрубать. На это потребуются воля и смелость, почерпнуть которые пока еще есть откуда. В том числе из такого важного источника, как кавказский менталитет. На Кавказе всегда понимали и понимают, когда Власть употребляет власть, в том числе по отношению к своим бесчинствующим уполномоченным.

Однако работать с запутанными политическими материями только так, как это иногда делал Александр Македонский, нельзя. Они требуют, помимо симметричных властно-волевых действий, еще и интеллектуальных, творческих, нетривиальных подходов. Без них в современном мире, где все влияет на все (пока, слава Богу, до «взмаха крыла бабочки» дело не дошло), просто не выживешь.

Тем, кто не хочет утруждать себя разработкой и применением принципиально новых антикризисных, модернизационных технологий на Северном Кавказе, есть чем убаюкать свою совесть: этот регион – неотъемлемая часть России, и с какой стати он должен процветать, если страна еще далека от такого состояния. Но и при наличии такого «оправдания» для бездеятельности придется учесть, что Северный Кавказ всегда отличался своеобразием. Даже общими для всей России болезнями он болеет несколько иначе: в

чем-то с большими осложнениями, в чем-то – с меньшими. Примешивается «национальный колорит», что в каких-то аспектах делает местное население устойчивее к невзгодам времени. Оно, к примеру, не прочь поговорить о второй и последующих волнах мирового кризиса, но утверждать, что эта тема вошла в круг повседневных забот людей, нельзя. Народ на Кавказе не такой пугливый, чтобы проводить бессонные ночи в ожидании «черных» «вторников», «четвергов», «пятниц» и т.д.

Смотришь телевизор и думаешь: «Господи, да как же там можно жить». А когда приезжаешь в какой-нибудь северокавказский город, то видишь, что, оказывается, можно. Что-то строится, что-то реставрируется, что-то облагораживается, на глазах меняя городской пейзаж. Люди бегут на работу, используя все виды транспорта, который, кстати, движется (конечно, в соотношении с масштабами города) быстрее, чем в Москве. В учебных заведениях кипит жизнь. Чем-то, видимо, занимаются и промышленные предприятия, судя по их далеко не заброшенному виду. Вечером есть куда пойти и молодежи, и взрослым, при наличии, разумеется, средств. А они, похоже, есть. Помимо общероссийских, много национальных праздников, предвкушение и вкушение которых действует на людей воодушевляюще, смыслообразующе.

О многом говорит и высокий спрос на железнодорожное и воздушное сообщение с Москвой, Петербургом и другими городами страны. Значит, люди ездят по России, видят ее вживую, чувствуют, почти как в советские времена, свою принадлежность к ней.

Люди на Северном Кавказе исторически более консервативны, чем в других местах России. Не то, чтобы они были вообще против всяких перемен. Но их рассуждения выглядят примерно так: если нет гарантированной возможности изменить жизнь к лучшему, то тогда пусть все остается как есть – хуже бы не было. (Это важное обстоятельство следовало бы иметь в виду столичным политикам. Правда, бесконечная спекуляция на нем очень опасна.)

Думская выборная кампания 2011 г. – убедительное тому подтверждение. На Северном Кавказе ее спокойно можно было бы пустить на самотек – получился бы такой же с точки зрения политических интересов Кремля результат, даже при наличии у многих крайне скептического отношения к «Единой России». Наши либералы потешаются над цифрами, которые представил Центризбирком по региону. Они и в самом деле выглядят несколько карикатурно, если не знать кавказский менталитет.

Столичные лозунги из серии «Достали!», как мы уже отмечали, актуальны и на Северном Кавказе, где тоже хватает своих «доставал». Однако население региона труднее поднять на митинги, подобные московским. Отчасти в силу некоего парадокса: здесь народ инертнее с точки зрения гражданственности, зато горячее и вспыльчивее с точки зрения особенностей массового поведения.

Впрочем, есть, возможно, еще одна причина. Люди опасаются, что вместо «заевшихся и ленивых» на их шею сядут «голодные и хищные» (неслучайно на Кавказе в ходу анекдоты на эту тему). Но самое главное и, возможно, спасительное – в том, что события 1990-х гг., прежде всего в Чечне, сформировали у народов, если так можно выразиться, вполне осознанный инстинкт самосохранения. Там революции происходят не так, как в Москве, где их жертвы исчисляются единицами. Северный Кавказ платит за революции, всегда экспортируемые из российских столиц, гораздо дороже, опять-таки ввиду своей специфики.

Поэтому здесь, как ни покажется кому-то неожиданным, сформировались особые исторические навыки уклонения от лобовых социальных столкновений⁵. Жившие в условиях тесного, зачастую опасно тесного, соседства и чересполосицы народы веками притирались друг к другу. На долгом и горьком опыте они познавали великое искусство мирного сожительства, стихийно приходя к пониманию его безальтернативности, точнее, наличия единственной альтернативы – взаимного уничтожения. Именно горячий нрав людей заставлял их обуздывать себя. И это не парадокс. Это мудрость жизни, восстающая против нелепости смерти.

А еще на Кавказе всегда было русское население как органичная часть этого многоцветного этнического мира⁶. Бесчисленные исторические документы (мы намеренно не говорим о трудах историков) ярко демонстрируют особую миссию русских людей на периферии строившейся многонациональной и многокультурной империи: соединять, примирять, посредничать, созидать. И ничего похожего на пресловутую-классическое «разделяй и властвуй». (Одна из ближайших книг автора будет почти целиком посвящена развенчанию мифа о злокачественной «классичности» политики России на Кавказе). Речь, разумеется, не о межнациональной и межконфессиональной идиллии, не существующей в природе вещей, а о максимально возможной минимизации конфликтного потенциала.

Начавшийся в 1990-х гг. и продолжающийся по сей день исход русских с Кавказа лишает регион едва ли не главного миротворческого и очень важного творческого, конструктивного ресурса, включая квалифицированную рабочую силу, инженерно-технические кадры, врачей, учителей, ученых, вузовских преподавателей и т.д.⁷

И, наконец, была российско-имперская, а потом советско-имперская система, прочные скрепы которой обеспечивали кавказское социально-политическое и культурное пространство перспективами динамичной, системной модернизации и жизнеутверждающими смыслами. Это происходило под прямой опекой государственной Власти с большой буквы и в точном смысле этого слова⁸.

Чрезмерный избыток такой власти вреден. Но острый дефицит ее еще пагубнее. Сегодня на Северном Кавказе, как и повсюду в России,

■ 2012 – Год российской истории

налицо последнее. И пока региональная власть такая, какая она есть, а центральная не слишком к ней требовательна, почему бы не призвать на помощь местное гражданское общество. Да, да, именно гражданское общество, которое в своей специфической кавказской разновидности существует там с давних, советских времен⁹. Оно держалось и держится на вожаках-подвижниках, посвятивших себя служению людям, и на здравом смысле этих людей, благотворные запасы которого Москва недооценивает.

Закончу статью одной невыдуманной историей, не называя имен ее героев, они себя узнают и без того. Дело было сравнительно недавно в Ставропольском крае, где по целому ряду вполне «рукотворных» причин сохраняются непростые отношения между казаками и дагестанцами. На этом фоне пустынная бытовая стычка быстро выросла в социальный конфликт, спровоцировав улично-стихийную мобилизацию обеих сторон. К месту действия моментально выехал очень авторитетный дагестанский общественный деятель, предварительно созвонившись и договорившись о встрече с такими же влиятельными казаками, своими друзьями и единомышленниками. В результате поле чуть было не начавшейся битвы превратилось в стол переговоров с последовавшим затем дружеским «чаепитием».

Кто-то скажет: смешно уповать на такой способ разрешения конфликтов со сложной

этиологией. На всякую подобную ситуацию не напасешься «пожарников» столь высокого класса. Отчасти верно. Но если нет действенных системных средств, лучше уж ручное управление каждым конкретным случаем, чем человеческие жертвы и неудержимое расползание ненависти.

Быть может, есть смысл нашим уважаемым государственным мужам (покуда они со своими всеведающими экспертами еще не придумали, что делать с Северным Кавказом) прислушаться к совету непостороннего: поддержите, для начала хотя бы морально, это «странное» племя людей, которые не спрашивают, по ком звонит колокол, а, не жалея себя, бросаются в пекло, чтобы колокол ненароком не зазвонил по государству Российскому, по всем нам...

Degoev V. V. A Troubled North Caucasus: What's Ahead?

Summary: In the article the author revisits the never-ending post-soviet discourse on the burning issue – the North Caucasus threatens to Russia's statehood. He ponders over the question whether the region is the source or just the exotic extension of the country's troubles. Whatever the answer is prof. V. Degoev thinks it vital for the Kremlin to try its best to escape the worst-case scenario on the turbulent multiethnic periphery. This end, as he concludes, has to be achieved by carefully calculated combinations of systemic approaches and the ad hoc reaction to social conflicts fraught with the nation-wide consequences.

Ключевые слова

Современная ситуация на Северном Кавказе, перспективы российской государственности, межэтнические и межэлитные отношения, кавказский менталитет, нравственный облик политического класса России, национальная безопасность, «хватит кормить Кавказ».

Keywords

Contemporary situation in the North Caucasus, the future of Russia's statehood, interethnic relations as worsened by intra-elite conflicts, the Caucasus people mentality, the mores and morality of Russian ruling circles, national security, «stop feeding the Caucasus».

Примечания

1. Гаджиев К.С. «Большая игра на Кавказе». Вчера, сегодня, завтра. М.: «Международные отношения», 2010. С.41, 43-44, 46.
2. Гаджиев К.С. Указ. соч. С.44.
3. См.: Гаджиев К.С. Указ. соч. С. 45-46.
4. Рябцев В.Н. Черкесский вопрос, Олимпиада-2014 и политика Грузии на Кавказе / Под ред. В.Н. Панина и С.Я. Суцего. Ростов-на-Дону – Пятигорск, 2012. С.28, 135.
5. Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2007. С.349.
6. Российский Кавказ... С. 225-235; Рябцев В.Н. Указ. соч. С.27-28.
7. См.: Российский Кавказ... С. 178-179.
8. Профессор Н. Дюлгерова полагает, что только время ответит на вопрос, исчерпал ли себя российско-советский имперский проект с точки зрения решения взрывоопасных проблем Кавказа. И осторожно добавляет: если этим не займется Россия, то найдутся другие международные акторы, которые захотят в той или иной форме осуществить на кавказском пространстве «консолидационный (читай – имперский) план». (Dyulgerova N. Borders in the Caucasus. Geopolitical and International Law: A Discourse. Sofia: «Paradigma», 2008. P.253,260).
9. Российский Кавказ... С. 335-335.